

"Пад-Ам-Амидала!" крикнул голос Дорме из-за закрытой двери, привлекая внимание Падме. Когда она отвернулась от ситха, дверь распахнулась, и Дорме быстро выскочил наружу. "Вот ты где", - пробормотал Дорме, все еще пьяный, но явно расстроенный. "Где, черт возьми, тебя носило?"

Падме с некоторым здравомыслием посмотрела на свою пьяную подругу, а затем перевела взгляд на тело рядом с ней. Глаза Дорме последовали за ее глазами, и даже в пьяном состоянии она увидела сцену с шокированным выражением лица. "Что, блядь, произошло?"

Даже несмотря на свое беспокойство и шок, Падме, честно говоря, была больше расстроена из-за женщины, которую она называла своим другом, чем из-за мужчины, которого она называла своим врагом. Дорме должна была защищать ее - она обещала защищать ее, а она не ожидала ничего другого от ничтожного человека. Падме сразу же опустила лицо, чувствуя, как ее охватывает разочарование и неоспоримая потребность быть подальше от подруги. Она оглянулась на Вейдера, который, на удивление, не разочаровал ее, но ее встретила вид темного переулка.

Дарта Вейдера не было, и этот факт вызвал гнев Падме: она нахмурилась, глядя на дверной проем. Она заметила, что платье Дорме практически свисает с ее тела, макияж размазан, а лифчик под одеждой совсем не застегнут. Стала очевидной причина того, почему Дорме нигде не было во время нападения - она где-то трахалась с каким-то мужчиной, который мог бы уделить ей время. Впервые в жизни Падме было невыносимо смотреть на женщину, которую она называла своей лучшей подругой. Как будто она смотрела на Дорме в совершенно новом свете - в истинном свете. Казалось, ее пьяный разум принес ей больше ясности, чем она обычно осознавала: недостатки ее подруги, казалось, увеличились втрое, а не вчетверо.

"Что... не так?" Дорме запнулась, наблюдая, как гнев Падме становится видимым, а в ее глазах появляется выражение смерти.

Вопрос заставил гнев Падме вспыхнуть с новой силой. "Что случилось?" - повторила она с холодным смешком. Она не могла поверить, что Дорме вообще задала ей такой вопрос. Падме никогда не была пьяна - по крайней мере, до сегодняшнего вечера, - и хотя она признавала некоторые известные системы мерзкого напитка, казалось невозможным, чтобы кто-то, даже в пьяном виде, не заметил отсутствие одежды или состояние мертвого трупа, лежащего на земле. "Как ты смеешь спрашивать меня об этом!" крикнула Падме, продолжая бушевать. "Ты такая унылая, Дорме! Ты сбегашь с любым парнем, который оказывает тебе хоть малейшее внимание, напиваешься до беспамятства и бросаешь меня одну в месте, куда я вообще не хотела приходить!" Она знала, что ее гнев берет верх, что она говорит эти вещи только из-за выпивки, но она не могла остановиться, потому что это была правда. Это были самые правдивые высказывания этой ночи, и хоть раз Падме нужно было выпустить их на волю. "Меня чуть не изнасиловали!" наконец призналась Падме. "Изнасиловали, потому что ты была слишком занята, трахая какого-то незнакомца, чтобы понять, что твоя лучшая подруга ушла!"

Дорме отреагировала самым неожиданным образом, казалось, гнев Падме ничуть не затронул ее, вместо этого она захихикала. "Пожалуйста. Амидала", - улыбнулась она, протягивая руку к разгневанному сенатору. "Успокойся..."

Падме вздрогнула, когда рука ее подруги коснулась ее руки. "Не трогай меня!" крикнула Падме, быстро отстраняясь от прикосновения подруги во внезапном приступе агрессии. "Не трогай меня, Дорме! И не смей говорить мне, чтобы я успокоилась!"

Лицо Дорме нахмурилось, а ее рука упала на бок. "Не надо так драматизировать", - ныла она, закатывая глаза. "Ты всегда все делаешь ради себя".

Это было заявление, которое почти заставило Падме зарычать. Она не могла поверить в происходящее. Она не могла поверить, что позволила этому случиться. "Правда?" огрызнулась Падме с тем же гневом и раздражением. "Потому что я, кажется, снова..."

"Сладкая моя!" - крикнул голос, оборвав слова Падме и привлекая внимание обеих женщин.

Голос удивил Падме, еще больше запутав ее, а Дорме произвел обратный эффект и начала хихикать, как школьница. Когда третий человек вышел из клуба, чтобы присоединиться к ним, женщина повернулась к двери, наткнувшись на объятия мужчины. Они небрежно поцеловались, оба явно были в сильном опьянении - или одурманены каким-то веществом. Когда их губы разошлись, Падме не могла ничего сделать, кроме как задохнуться, а Дорме повернулась к ней с широкой улыбкой. "Ами... Амидала, вы помните, мистера Раша".

"Раш Кловис", - рассмеялась Падме - или, может быть, заплакала. Просто это казалось слишком смешным и обидным, что мужчина, который флиртовал с ней всего несколько минут назад, был тем, кто трахал ее лучшую подругу, пока ее насиловали и спасали от врага. "Почему я не удивлена?"

"О, пожалуйста!" Дорме закатила глаза. "Ты не собиралась его трахать".

"Я не об этом", - ответила Падме, ее гнев все еще присутствовал, но медленно испарялся, когда его место занимала обида. Она никогда раньше не видела, чтобы Дорме вела себя подобным образом. Женщина могла быть кем угодно, но плохим другом - никогда... Если только она просто не замечала этого. В любом случае, Падме решила, что не стоит даже тратить время на объяснения - ей было все равно. "Просто забудьте об этом. Вам двоим весело", - внезапно заявила она. "Вы заслуживаете друг друга". Не говоря больше ни слова, она повернулась и пошла к свету в конце переулочка, заглушая крики, которые звали ее сзади, - ей нужно было уйти.

Ранним утром на Корусанте было темно и очень холодно, бесконечный свет словно исчез, а толпы людей нигде не было видно. Казалось, что Падме попала в параллельную вселенную и застряла в лабиринте на всю оставшуюся жизнь. Она шла одна по извилистым улочкам, не желая признаваться себе в том, что заблудилась. Некоторое время назад она избавилась от содержимого своего желудка, а ее туфли были оставлены на углу какой-то улицы, которую она не могла вспомнить. Туман, который алкоголь вызвал в ее сознании, значительно ослаб, но, несомненно, все еще был там и ждал, когда у нее разболится голова. Ей казалось, что она идет

уже несколько часов без всякого результата. Здания и улицы были ей незнакомы, а также не было возможности обратиться к кому-либо за помощью. Каким-то образом во время прогулки она начала прилично продвигаться к нижним уровням Корусанта, это было ясно, но приключение, в которое попала Падме, было совершенно новым: за все годы, что она ездила на Корусант, она никогда не выходила на улицы Корусанта в такой ранний час - не говоря уже о том, чтобы выходить на улицы в такой ранний час полуголой и гудящей.

Сделав еще один поворот, Падме пожалела о своем решении выйти на улицу: тогда ей было стыдно за то, как она сейчас выглядит, а теперь просто хотелось оказаться дома. В то время она слишком беспокоилась о других, чтобы принять правильное решение для себя. Она знала, что у прессы будет день открытых дверей, если они застанут сенатора Амидалу разгуливающей полуголой по улицам Корусанта в столь неурочный час, но сейчас это казалось ей наименьшим из беспокойств. Образы ее почти насильника играли в ее сознании, и ее истинное беспокойство всплывало на поверхность, так как она была безнадежна, но в ужасе оглядывалась на каждый угол. Паранойя, которую она испытывала, была почти невыносима, и в конце концов шлюзы прорвались, заставив Падме признаться самой себе в одном: Ее чуть не изнасиловали.

В этот момент на Падме подул сильный порыв ветра, холодный воздух коснулся ее кожи и позволил ей выпустить то, что она держала внутри. Впервые за очень-очень долгое время она начала плакать... сильно. Она неудержимо рыдала, слезы застилали ей глаза, а ее тоненькие причитания эхом разносились по улицам. Впервые с тех пор, как она потерялась, она была благодарна за то, что осталась одна. Это был странный реактор, но с леденящим душу делом. Небольшой порыв холодного воздуха был совершенно безвреден, если бы не один маленький фактор. Только потому, что плащ ее почти насильника прилип к ее телу, запах ударил ей в ноздри, как удар по нутру, когда подул ветер. Сразу же кожа Падме начала зудеть, и каждая частичка ее тела горела, когда прикосновение мужчины вновь появилось на ее теле. Она почувствовала на себе его взгляд, пожирающий ее. Его руки хищно двигались по ее телу, прикасаясь к ней в самых неподходящих местах. Ее дыхание стало поверхностным, она чувствовала вес его тела, прижимающегося к ее телу, его твердость, трущуюся о ее самое интимное место. Тошнота закипала в ее желудке от вкуса его слюны и ее слез, которые были горячими у нее во рту. Она чувствовала все, как будто все происходило заново. Это был кошмар.

Одним быстрым движением Падме сбросила отвратительный плащ на землю и отшвырнула его прочь. Она начала навязчиво растирать руками свое тело, пытаясь убрать с кожи прикосновение мужчины. Остатки платья, которое было на ней, исчезли, остались только лифчик и трусы. Но и это не помогло, так как она по-прежнему чувствовала себя абсолютно голой. Слезы стали еще быстрее капать из глаз, и она издавала небольшие возгласы, пока ее руки растирали круги на коже. Она знала, что ничто не избавит ее от его прикосновений, что ничто не избавит ее от этого кошмара, что она разрушена.

"Сенатор", - внезапно раздался голос Вейдера, который поверг Падме скорее в шок, чем врасплах.